

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Б90

Серия «Мастера фантазии»

Lois McMaster Bujold
VOLUME 2: THE VOR GAME; CETAGANDA;
ETHAN OF ATHOS; BORDERS OF INFINITY

Перевод с английского

Художник *Е. Фerez*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Spectrum Literary Agency и Nova Littera SIA.

Буджолд, Лоис Макмастер.

Б90 Цетаганда : [сборник : перевод с английского] / Лоис Макмастер Буджолд. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 1072 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-118840-5

Лоис Макмастер Буджолд — ярчайшая звезда современной американской фантастики. Цикл романов о Майлзе Форкосигане, сыне высокопоставленного сановника с планеты Барраяр, и его родственниках, друзьях и врагах принес ей мировую известность. За произведения этой «космической саги» Буджолд удостоена пяти премий «Хьюго» и трех «Небьюла».

В сборник вошли романы и повести «Игра форов», «Горы скорби», «Цетаганда», «Этан с планеты Эйтос», «Лабиринт», «Границы бесконечности», а также избранные материалы, посвященные Майлзу Форкосигану и его семье.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Lois McMaster Bujold, 1986, 1989, 1990, 1996

© Перевод. Т. Черезова, 2020

© Перевод. И. Дернов-Пигарев, наследники, 2020

© Перевод. Н. Кудряшев, 2020

© Перевод. А. Новиков, 2020

© Перевод. О. Косова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Горы скорби

— К вам посетитель, лейтенант Форко-сиган.

Обычно невозмутимое лицо медбрата перекопилось от испуга, взгляд застыл. Он отступил в сторону, пропуская посетителя в палату. Автоматические двери еще не закрылись, а медбрат уже поспешно ретировался.

Вздернутый нос, лучистые глаза и открытое доброе лицо очень молодили вошедшего, хотя темно-русые волосы на его висках уже начали седеть. Он был худощав, одет в скромный костюм и отнюдь не распространял вокруг себя атмосферу ужаса, вопреки столь острой реакции медбрата, — по правде говоря, гость вообще не производил никакого впечатления. Саймон Иллиан, глава Имперской службы безопасности Барраяра, начинал обычным тайным агентом, и эта работа приучила его быть незаметным.

— Привет, босс, — сказал Майлз.

— Выглядишь отвратительно, — любезно заметил Иллиан. — Не трудись отдавать честь.

Майлз коротко рассмеялся; даже смех сейчас причинял ему боль. У него болело все, кроме рук: они все еще не отошли после анестезии и были забинтованы и зафиксированы от лопаток до кончиков пальцев. Он поглубже зарылся в постель в тщетной надежде найти более удобное положение для своего тщедушного тела, облаченного в больничную пижаму.

— Как прошла операция? — осведомился Иллиан.

— Примерно так, как я и ожидал. Мне ведь однажды уже оперировали ноги. Самое противное началось, когда разрежали правую руку, чтобы вынуть осколки костей. Нудно. Левую сделали гораздо быстрее — там осколки были крупнее. Теперь буду ждать, приживется ли в пластике костный мозг. Какое-то время у меня будет малокровие.

— Надеюсь, ты не возьмешь за правило возвращаться после каждого задания на носилках?

— Ну-ну, это ведь всего второй раз! Да и вообще, рано или поздно у меня просто кончатся непересаженные кости. Годам к тридцати я уже буду целиком из пластика.

И Майлз представил себе эту невеселую перспективу. Интересно, могут ли его объявить юридически умершим, если больше половины его тела будет из запчастей? Не войдет ли он когда-нибудь на фабрику пластиковых протезов с возгласом «Мама!»?

— Давай-ка поговорим относительно твоего задания, — твердо произнес Иллиан.

Значит, этот визит не просто выражение сочувствия... Да и вообще, способен ли Иллиан хоть кому-нибудь сочувствовать? Иногда это трудно было понять.

— Мой доклад у вас, — уклончиво ответил Майлз.

— Твой доклад — это шедевр недоговоренности, — в голосе начальника Имперской службы безопасности не было и тени недовольствия.

— Ну... Мало ли кто его прочтет. Никогда нельзя знать заранее.

— Оставь, Майлз! Ты прекрасно знаешь, что речь идет не об этом.

— Так в чем проблема?

— Деньги. А еще конкретнее — финансовая отчетность.

Может, все дело было в лекарствах, которыми его напичкали, но Майлз ничего не понял.

— Вам не нравится моя работа? — жалобно спросил он.

— Если не считать твоих ранений, результаты последнего рейда в высшей степени удовлетворительны... — начал Иллиан.

— Очень рад это слышать, — мрачно пробормотал Майлз.

— ...а твои похождения на Земле все еще полностью засекречены. Мы поговорим о них позже.

— Сначала мне надо будет доложить парочке вышестоящих инстанций, — решительно заявил Майлз.

Иллиан отмахнулся:

— Я так и понял. Нет. Обвинения касаются мероприятия на Дагуле и того, которое ему предшествовало.

— Обвинения? — озадаченно переспросил Майлз.

Иллиан пристально посмотрел на него.

— Лично я считаю, что все затраты на поддержание твоих связей со Свободными дендарийскими наемниками окупаются с точки зрения внутренней безопасности. Хотя бы потому, что если бы ты постоянно находился, скажем, в Главном штабе, здесь, в столице, то стал бы превосходным магнитом для любых заговорщиков. Не только для тех, кто добивается почета и расположения властей, но и для тех, кто попытался бы через тебя задеть твоего отца. Как это происходит в настоящее время.

Майлз скосил глаза, надеясь, что сосредоточенный взгляд поможет ему собрать воедино и свои разбегающиеся мысли.

— Итак?..

— Короче, кое-кто сейчас очень прилежно изучает твои отчеты о тайных операциях флота наемников. Этим господам хотелось бы узнать, на что именно пошли определенные крупные суммы. Некоторые из твоих счетов по замене оборудования просто чудовищны — даже с моей точки зрения. А нашим противникам весьма желательно доказать существование систематических растрат. Осуждение тебя военным трибуналом за хищение казенных денег было бы сейчас чертовски некстати — и для твоего отца, и для всей центристской фракции.

— Это зашло настолько далеко?.. — ахнул пораженный Майлз.

— Пока нет. Я твердо намерен все замять. Но для этого мне нужны детали. Я не хочу действовать вслепую, как бывало уже не раз. Я еще не забыл, как из-за тебя провел месяц в моей собственной тюрьме...

Неприятное воспоминание заставило Майлза нахмуриться.

— На этот раз, — продолжал Иллиан, — они действуют через графа Форволка из Казначейства, а он до фанатизма предан императору и к тому же имеет его личную... э-э... поддержку. Под него не подкопаешься. Но боюсь, что достопочтенный граф поддается чужим влияниям. А поскольку он считает себя сторожевым псом, то чем больше от него отбрыкиваются, тем упорнее он цепляется за свои подозрения. С Форволком следует обращаться предельно осторожно, независимо от того, прав он или ошибается.

— Ошибается?.. — выдохнул Майлз.

До него наконец дошло, почему Иллиан пришел в госпиталь сегодня. Да, шефом и вправду руководит не беспокорство о раненом подчиненном. Но задавать свои вопросы сейчас, когда Майлз только очнулся после операции, слаб, накачан лекарствами, возможно, даже плохо сообщает...

— Почему бы вам не допросить меня с суперпентоталом, да и делу конец? — огрызнулся он.

— Потому что я знаю о твоей аллергии к подобным препаратам, — невозмутимо ответил Иллиан. — Это очень прискорбно.

— Тогда отчего бы не выкрутить мне руки?

Задетый за живое начальник секретной службы по-мрачнел.

— У меня была такая мысль. Но потом я решил поручить это хирургам.

— Знаете, Саймон, вы иногда бываете настоящим подонком.

— Знаю. — К Иллиану вернулось хладнокровие. Он ждал и наблюдал. — В этом месяце, пока не кончится свара из-за бюджета, у твоего отца не должно быть скандалов в правительстве. И обвинения в твой адрес надо придушить независимо от того, на чьей стороне правда. Все сказанное в этой комнате останется — должно остаться — между нами. Но я должен знать!

— Вы что, предлагаете мне амнистию?

Голос Майлза превратился в рычание, сердце бешено заколотилось.

Иллиан был невозмутим.

— Если понадобится.

Майлз не мог сжать кулаки — он их даже не чувствовал, — но пальцы ног у него сжались. Он задыхался в мутных волнах ярости. Перед глазами все поплыло.

— Ты... мерзкий... ублюдок! Ты смеешь называть меня вором...

Майлз заметался в кровати, скидывая с себя больничные простыни. Медицинский монитор тревожно запищал. Тяжелые бесполезные руки болтались из стороны в сторону, как неживые.

— Это я крал у Барраяра? Я крал у моих собственных мертвецов?..

Он сбросил ноги и мощным усилием пресса вскочил с кровати. На миг выпрямившись, он резко качнулся вперед и, тут же потеряв равновесие, чуть не грохнулся на пол. Иллиан успел вскочить и поймать его.

— Какого черта, парень?! Что за шутки?

Майлз и сам толком не знал.

— Что вы делаете с моим пациентом? — крикнул, врываясь в палату, бледный военврач. — Он только что перенес серьезную операцию!

Доктор был разозлен и испуган, а вбежавший следом за ним медбрат вообще находился на грани истерики. Он попытался остановить своего начальника и даже схватил его за руку, пролепетав:

— Сэр, это шеф службы безопасности!

— Я знаю, кто он. Но будь он хоть призраком императора Дорки, я не позволю ему заниматься здесь его... работой! — Врач воинственно уставился на Иллиана. — Ваши допросы, или что вы тут затеяли, можете проводить в своих застенках. Я не допущу подобного в госпитале. Этого пациента еще нельзя тревожить!

У Иллиана вид был сначала недоумевающий, потом возмущенный.

— Я не...

Майлз прикинул, не следует ли ему артистично нажать на какие-нибудь нервные окончания и заорать благим матом, но сейчас, к сожалению, ему нечем было нажимать.

— Внешность бывает так обманчива, — промурлыкал он на ухо Иллиану, повисая на его руках. Сжав зубы, он изобразил мученическую улыбку.

Иллиан нахмурился, но очень бережно уложил молодого человека в кровать.

— Все в порядке, — прохрипел Майлз врачу. — Все в порядке. Я просто... просто... — «Разволновался» не вполне характеризовало ощущения Майлза, ему казалось, что сейчас у него лопнет голова. — Ничего.

Чувствовал он себя хуже некуда. Подумать только: его заподозрил Иллиан, который знает Майлза всю жизнь, который, казалось бы, полностью ему во всем доверяет... Майлз гордился этим доверием, гордился тем, что он, еще такой молодой офицер, выполняет самостоятельные задания... Похоже, на деле его служба была не государственной необходимостью, а просто удобным предлогом загнать подальше опасного и неуклюжего щенка-фора. Игрушечные солдатики... А теперь он еще и растратчик! Какое страшное пятно на его чести — и на его разуме. Можно подумать, что Майлз не знает, откуда берутся финансы империи и какой ценой они достаются.

Черная ярость сменилась черным отчаянием. Неужели Иллиан — Иллиан! — действительно подумал, пусть даже на секунду... Да, он подумал. Он не пришел бы сюда, не расспрашивал бы его, если бы не был всерьез обеспокоен возможной справедливостью обвинений. К своему ужасу, Майлз почувствовал, что тихо плачет. Будь прокляты эти лекарства!

Иллиан смотрел на него с тревогой.

— Майлз, так или иначе я должен объяснить твои затраты уже завтра. Пойми, это затраты моей организации.

— Лучше я предстану перед трибуналом.

Иллиан сжал губы.

— Я приду позже. После того, как ты поспишь. Надеюсь, тогда ты сможешь рассуждать более трезво.

Затем над Майлзом хлопотал врач, всадивший в него еще одно чертово лекарство.

Молодой человек медленно повернулся лицом к стене — не спать, а вспоминать.

Поднимаясь от озера к дому, Майлз услышал женский плач. Он не стал вытираться после купания, поскольку день обещал быть жарким, а прохладная вода, стекая с волос, приятно освежала голую спину и грудь. Менее приятным было то, что капала она и с рваных шортов Майлза, а стержни, защищавшие его ноги от поломок, легко натирали мокрую кожу. Хлюпая разношенными кроссовками, Майлз в ускоренном темпе преодолел еле заметную тропинку в кустарнике. Когда голоса стали различимы, он замедлил шаги.

В женском голосе звучали горе и смертельная усталость.

— Пожалуйста, лорд, ну, пожалуйста! Я только хочу справедливости...

Охранник был раздражен и смущен.

— Не лорд я. Ну же, встань, женщина. Возвращайся в деревню и обратись к окружному судье.

— Говорю вам, я только что оттуда! — Майлз вышел из-за кустов и остановился, наблюдая любопытную сцену: женщина, стоявшая на коленях, так и не встала при его появлении. — Судья не вернется еще много-много недель. А я шла сюда четыре дня. У меня мало денег... — Покопавшись в кармане, она протянула охраннику сложенные лодочкой руки. — Здесь только марка и двадцать пенсов, но...

Раздосадованный страж заметил Майлза и резко выпрямился, словно боясь, что будет заподозрен в готовности принять такую жалкую взятку.

— Убирайся, женщина! — рявкнул он.

Майлз вопросительно выгнул бровь и захромал к воротам.

— Что тут происходит, капрал? — спокойно осведомился он.

Капрал охраны принадлежал к Имперской службе безопасности и весьма рьяно относился к своим обязанностям. Таким душным утром ему было чертовски жарко в застегнутом до горла парадном мундире, но Майлзу казалось, что капрал, находясь на посту, скорее сварится, чем расстегнет хоть одну пуговицу на вороте. Выговор у охранника был не местный — наверняка парень из столицы, где бюрократы всех рангов издавна поднатерли в решении проблемы «пускать или не пускать».

Женщина, напротив, была явно местная, из горного захолустья. Она была моложе, чем поначалу показалось Майлзу. Высокая, сероглазая, с покрасневшим от слез лицом и светлыми нечесаными волосами. Если ее отмыть, подкормить, прибавить уверенности в себе и жизнерадостности, она может оказаться почти хорошенькой. Правда, сейчас привлекательного в ней было мало, даже несмотря на потрясающую фигуру — стройная, но полногрудая... «Нет, — поправил себя Майлз, подходя к воротам, — только временно полногрудая». Лиф домотканого платья женщины был в подтеках молока, хотя младенца поблизости не наблюдалось. Ноги у женщины были босые, ступни заскорузлые и потрескавшиеся.

— Никаких проблем, — заверил Майлза охранник. — Убирайся, — прошипел он нарушительнице спокойствия.

Та неловко перекатилась с колен на зад.

— Я вызову сержанта! — Охранник поглядывал на простолюдинку уже с опаской. — Ее сию минуту уберут.

— Погодите-ка, — остановил его Майлз.

Женщина смотрела на Майлза снизу вверх и, судя по всему, не знала — радоваться или печалиться его появлению. По тому, что на нем надето, никак нельзя было догадаться об общественном статусе Майлза. Ну а все остальное было видно яснее некуда. Молодой человек вздернул подбородок и невесело улыбнулся. Слишком крупная голова, слишком короткая шея, утолщенная неровным позвоночником спина, кривые ноги, на которых сверкают хромом подпорки экзоскелета. Если бы горянка встала, его макушка едва достала бы ей до плеча. Майлз со

скукой ждал, когда рука женщины сделает ритуальный жест, защищающий от сглаза и мутаций, но она только вздрогнула и сжалась.

— Мне надо видеть милорда графа. — Женщина обращалась к кому-то между Майлзом и охранником. — Это мое право. Мой отец погиб в армии.

— Премьер-министр граф Форкосиган, — чопорно заявил капрал, — прибыл в свое загородное поместье на отдых. Если бы он собрался заняться делами, то уехал бы в Форбарр-Султан.

При воспоминании о столице его глаза подернулись ностальгической грустью.

Женщина воспользовалась паузой:

— Ты всего лишь горожанин, а он мой граф. Я имею право.

— Зачем тебе надо видеть графа Форкосигана? — терпеливо спросил Майлз.

— Убийство! — воскликнула женщина. — Я хочу сообщить об убийстве.

— Разве не полагается сначала сообщить об этом своему деревенскому старосте? — спросил Майлз, жестом успокаивая дернувшегoся было охранника.

— Я ему сказала. Но он ничего не желает слушать. — Ее голос сорвался от бессильной ярости. — Он говорит: сделанного не поправишь. И не хочет записывать мое обвинение, говорит, это чепуха. Только прибавит всем неприятностей, говорит. А мне все равно! Мне нужна справедливость!

В этой части родовых владений графа Форкосигана был всего один сильно перегруженный судья, который появлялся в деревне Форкосиган-Сюрло лишь раз в месяц на выездных заседаниях. Какие-либо инциденты были здесь большой редкостью, поскольку территория вокруг загородного поместья премьер-министра кишела охранниками, особенно когда здесь находился сам граф, и преступники предпочитали нарушать спокойствие где-нибудь подальше.

— Досмотрите ее и впустите, — приказал Майлз. — Под мою ответственность. Эта женщина имеет право апеллировать к графскому правосудию.

Охранник принадлежал к элитному подразделению службы безопасности и был приучен видеть возможного убийцу даже в собственной тени. Понизив голос, он попытался спорить:

— Сэр, если я позволю всем деревенским психам бродить по поместью, где им вздумается...